

В процессе чтения ученики наблюдают за пёстрыми картинами сельской жизни: здесь и беседа странников с деревенским священником, и встреча с мастерами, нищими, солдатами (глава «Поп»).

Примечательно, что “у нищих, у солдатиков не спрашивали странники, как им — легко ли, трудно ли живётся на Руси”, потому что “солдаты шилом бреются, солдаты дымом греются, какое счастье тут?”. Действительно, какое счастье может быть у человека, оторванного на многие годы от семьи, лишённого тепла домашнего очага? Работая над главой «Поп», обратим внимание учащихся на слова сельского священника: “Деревни наши бедные, а в них крестьяне хворые да женщины печальницы, кормилицы, поилицы, рабыни, богомолицы и труженицы вечные...” Здесь опять косвенно звучит тема нищего дома, семьи, в которой зачастую на женщину ложатся самые тяжёлые обязанности.

Позднее, в главе «Крестьянка» “многокручинная... многострадальная” Матрёна Тимофеевна скажет: “Дай Бог с работой справиться... поешь — когда останется от старших да от деточек, уснёшь — когда больна”. В поисках примет неустроенного быта, несложившихся семейных отношений десятиклассники могут обратить внимание на эпизод разговора двух старух, которым “домой идти тошнее, чем на каторгу”, потому что родичи над ними измываются («Пьяная ночь»); на упрёк, брошенный учёным “барином” Павлушей Веретенниковым русским крестьянам, которые “пьют до одурения”: в результате пьянства “плачут дети малые, тоскуют жёны, матери — легко ли из питейного дозваться мужиков?” («Пьяная ночь»).

Вдумчиво работая с текстом, *учащиеся увидят*, однако, и другие детали, свидетельствующие о том, *что многим крестьянам свойственны и искренние сердечные привязанности, и забота о семье, и стремление хоть как-то украсить нищий быт*.

Вспомним Вавилу, пропившегося “до грошика” и убивающегося о том, что он не может купить любимой внучке “козловые ботиночки” («Сельская ярмонка»), или “каменотёса олончанина, плечистого, молодого”, который много работает и с законной гордостью говорит: “И я живу — не жалуясь... с жёнкой, с матушкой не знаем мы нужды” («Счастливые»). Да и сами правдоискатели после недолгих странствований уже соскучились по своим близким, “им крепко захотелось скорей попасть домой” («Пьяная ночь»). Не может не вызвать у читателя доброй улыбки и землепашец Яким Нагой, который, по его собственному признанию, “до смерти работает, до полусмерти пьёт”, но при этом имеет пристрастие к “картинкам”, покупает их для сына и с удовольствием рассматривает вместе с мальчиком. Во время пожара этот чудак пытается спасти прежде всего именно картинку, а не накопленные за всю тяжкую трудовую жизнь “целковых тридцать пять” и потом с гордостью вешает их в новую избу («Пьяная ночь»).

А с какой благодарностью через много лет вспоминает Матрёна Тимофеевна Корчагина своих дружных,

непьющих родителей, их заботу о себе: она в детстве “за батюшкой, за матушкой, как у Христа за пазухой, жила”; по утрам отец “будил дочурку ласкою”, а матушка, бывало, управится с домашней работой и идёт к дочке — “не будит — пуще кутает: «Спи, милая касатушка, спи, силу запасай!»” («Крестьянка»). Добрые воспоминания остаются у героини главы «Крестьянка» и о деду Савелии, единственном человеке “из всей семейки мужчиной”, который жалел молодую женщину. И хотя старик повинен в смерти малолетнего сына Матрёны Дёмушки, мать, страдающая по ребёнку, находит в себе силы простить Савелия прежде всего потому, что он всегда любил её как родную, заботился о попавшей “с девичьей холи в ад” страдальце, ласково называл “внученькой”.

Обращаясь к образу Матрёны Тимофеевны, отвечая на вопрос, каково значение дома и семьи в жизни героини, *учащиеся обратят внимание прежде всего на расхождение в оценке положения крестьянки людьми со стороны* (“ославили счастливницей, прозвали губернаторшей”, “есть в селе Клину: корова холмогорская, не баба! Доброумнее и глаже — бабы нет”) и самой Корчагиной (“дважды погорели мы... Бог сибирской язвою нас трижды посетил. Потуги лошадиные несли мы; погуляла я, как мерин, в бороне”, в солдаты уже взяли одного из пятерых сыновей). Десятиклассники отметят, что жизнь крестьянки изобилует многими бедами и трудностями, но именно муж, дети — это то, что спасает героиню.

Стоит вспомнить хотя бы её слова: “Зимой пришёл Филиппушка, принёс платочек шёлковой да прокатил на саночках в Екатеринин день, и горя словно не было!” А с какой любовью более чем через двадцать лет замужества говорит Матрёна Тимофеевна о супруге: “То правда, что и мужа-то такого, как Филиппушка, со свечкой поискать”.

Учащиеся приведут и другие аргументы, подтверждающие главенствующую роль семьи в жизни героини: она, будучи беременной, отправляется в город к губернатору, чтобы вызволить мужа, “кормильца и родителя”, несправедливо отданного в солдаты; она тоскует по погибшему Дёмушке (“уж двадцать лет, как Дёмушка дерновым одеялечком прикрыт, — всё жаль сердечного! Молюсь о нём, в рот яблока до Спаса не беру”), а когда “неправедные судьи” обвиняют её в гибели ребёнка и лекарь начинает резать тело младенца, героиня прокликает “злодеев, палачей”, не испугавшись возможного наказания; она же добровольно ложится под плети вместо сына Федотушки (жалостливый Федот, карауливший деревенское стадо, увидев голодную волчицу, которую в логове ждут волчата, “бросил ей овцу”); беседуя со странниками, Матрёна откровенно сознаётся: “Всю силу, Богом данную, в работу полагаю я, всю в деточек любовь!” По прошествии нескольких лет со времени похода к губернатору за правдой крестьянка, испытавшая много притеснений в “боль-